

УДК 159.922.4
doi: 10.11621/vsp.2022.03.08

Научная статья

СООТНОШЕНИЕ ЭКСПЛИЦИТНОГО И ИМПЛИЦИТНОГО УРОВНЕЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

О.Н. Арестова*¹, А.Г. Докучаева², О.В. Митина³

^{1, 2, 3} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

¹ arestova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6720-322x>

² annadokg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7162-0624>

³ omitina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2237-4404>

* Автор, ответственный за переписку: arestova@mail.ru

Актуальность. Исследование посвящено культурной специфике ценностной сферы личности, причем с точки зрения ее уровневой — эксплицитного и имплицитного строения. Новизна исследования состоит в обращении к малодоступным и практически неизученным имплицитным уровням презентации ценностей, тогда как большинство работ имеет дело с исключительно эксплицитными уровнями их презентации.

Целью исследования является кросс-культурное сопоставление строения ценностной сферы личности с точки зрения имплицитного и эксплицитного ее уровня на примере русской и узбекской культуры.

Методы. Применялись следующие методики: уточненная методика PVQ III. Шварца, цветовой тест отношений М. Эткинда.

Выборка. В работе приняли участие 190 испытуемых — 86 принадлежащих к узбекской культуре и 104 — к русской.

Результаты. Исследование показало значительное совпадение ведущих и низкочастотных ценностей обеих культур на эксплицитном уровне. Получены следующие эксплицитные различия: несмотря на ведущий характер, менее важными в узбекской выборке, по сравнению с русской, оказались такие ценности, как самостоятельность действий, самостоятельность мыслей, личная безопасность, благополучие в межличностных отношениях, толерантность к другим людям, а более значимыми — жизненные удовольствия, репутация, общественная безопасность, ответственность перед близкими. На имплицитном уровне различия между культурами менее выражены и состоят в следующем: более значимы на русской выборке ценности разнообразного жизненного опыта, общественной безопасности.

ИмPLICITно более значимой для узбекской выборки является ответственность перед близкими.

По некоторым ценностям межкультурные различия проявляются на обоих уровнях. Это общественная безопасность (у узбекских испытуемых выше на эксплицитном и ниже на имплицитном уровне, чем у русских) и ответственность перед близкими (выше у узбекских испытуемых на обоих уровнях). Общественная безопасность у испытуемых обеих культур является имплицитно низкокзначимой ценностью.

Практическое применение результатов. Результаты могут применяться в ходе организации совместного обучения и профессиональной деятельности представителей различных культур.

Ключевые слова: ценности, эксплицитный уровень ценностей, имплицитный уровень ценностей, межкультурные различия, культурная специфика ценностной сферы, узбекская культура, русская культура.

Информация о финансировании. Статья выполнена в рамках гранта «Кросс-культурные различия в способах когнитивной обработки вербального и образного материала» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-013-00674.

Для цитирования: Арестова О.Н., Докучаева А.Г., Митина О.В. Соотношение эксплицитного и имплицитного уровней презентации ценностей: Кросс-культурный аспект // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 3. С. 145–168. doi: 10.11621/vsp.2022.03.08

doi: 10.11621/vsp.2022.03.08

Scientific Article

THE RELATION OF THE EXPLICIT AND IMPLICIT LEVELS OF VALUES PRESENTATION: THE CROSS-CULTURAL ASPECT

Olga N. Arestova*¹, Anna G. Dokuchaeva², Olga V. Mitina³

^{1,2,3} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ arestova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6720-322x>

² annadokg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7162-0624>

³ omitina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2237-4404>

* Corresponding author: arestova@mail.ru

Background. The study is devoted to cultural specificity of the personality value sphere, and from the point of view of its level — explicit and implicit structure. The novelty of the study lies in the appeal to inaccessible and practically unexplored implicit levels of value presentation, whereas most studies research deals exclusively with the approximate levels of their presentation.

Objective of the study is a cross-cultural comparison of the structure of the value sphere of the individual from the point of view of its implicit and explicit level on the example of Russian and Uzbek culture.

Methods. The following methods were used: the refined S. Schwartz PVQ method, M. Etkind's color test of relationships.

Sample. 190 subjects took part in the study — 86 people of Uzbek culture and 104 of Russian culture.

Results. The study showed a significant coincidence of the leading and insignificant values of both cultures at the explicit level. The explicit differences are as follows: despite the leading nature, less significant in the Uzbek sample compared to the Russian were such values as independence of actions, independence of thought, personal security, well-being in interpersonal relations, tolerance for other people, and more significant — life pleasures, reputation, public safety, responsibility to the loved ones. At the implicit level, the differences between cultures are less manifested, the following values are more significant on the Russian sample: diverse life experience, public safety. More significant the Uzbek sample is the responsibility to loved ones. Cross-cultural differences of some values are significantly evident at both levels. These are public safety (Uzbek subjects have higher significance at the explicit level and lower at the implicit level than Russians) and responsibility to loved ones (higher in Uzbek subjects at both levels). Public safety has shown to be implicitly insignificant value to both cultures.

Practical application of the results. The results can be applied in the joint training and professional activities organization of representatives of different cultures.

Keywords: values, explicit level of values, implicit level of values, intercultural differences, cultural specificity of the value sphere, Uzbek culture, Russian culture.

Funding. The article was made within the framework of the grant “Cross-cultural differences in the ways of cognitive processing of verbal and figurative material” of the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 20-013-00674.

For citation: Arestova, O.N., Dokuchaeva, A.G., Mitina, O.V. (2022). The Relation of the Explicit and Implicit Levels of Values Presentation: the Cross-Cultural Aspect. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin), 3, 145–168. doi: 10.11621/vsp.2022.03.08

Введение

С легкой руки Ш. Шварца (Шварц и др., 2008) за последние десятилетия ценности личности стали едва ли не самой исследуемой категорией психологической науки (Кочеткова, Каменная, 2020; Овчинникова, Соценко, 2019; Лесин, 2020; Князькова, 2021). Рас-

смаstrиваются связи ценностей с другими психологическими категориями (смыслы, значения и т.д.), гендерные и возрастные аспекты ценностной сферы, механизмы формирования и реализации ценностей и множество других проблем (Горькая, 2014; Овчарова, 2021; Вихман, Калугин, 2019; Алексеева, Ржанова, 2019). Особое место в проблематике исследования ценностей занимает сопоставление происхождения, строения и функционирования ценностной сферы представителей различных культур — как содержательно сходных, так и далеких по общей ментальности (Емельяненко, 2007; Лебедева, Татарко, 2007; Лечиева, Саидов, 2019; Шамионов, Султаниязова, 2018; Кауненко, 2020; Сулейманов, Цупа, 2020; Хахутадзе, 2019). Большинство кросс-культурных исследований ценностей личности, в той или иной степени опирается на представления Ш. Шварца — либо в используемой классификационной схеме, либо в применении приема ранжирования в качестве методической основы (Емельяненко, 2007; Арестова и др., 2018; Карандашев, 2004; Филенко, Атаманова, Богомаз, 2020).

Приверженность положениям Ш. Шварца неслучайна, поскольку современную кросс-культурную психологию ценностей действительно невозможно представить без этих работ (Лебедева, 2007; Шварц и др., 2012). Многочисленные исследования, посвященные связи культуры и ценностей (Kluckhohn & Strodtbeck, 1961; Triandis, 1995; Хофстеде, 2002), предлагают сопоставимые и в целом согласующиеся с работами Шварца типологии ценностей, применимые для кросс-культурных сопоставлений. Конечно, вербальные формулировки ценностей в концепции Ш. Шварца несколько затрудняют их применение в культурно-сопоставительных исследованиях, о чем свидетельствуют более или менее удачные попытки уточнить их содержательное наполнение (Арестова и др., 2018; Шварц и др., 2012). Многократно модифицировались и укрупнялись представления о месте знаменитых 19 ценностей в «круговом мотивационном континууме» (Шварц и др., 2012). Эти модификации ни в коей мере не могут рассматриваться как признак недостаточной применимости исходных моделей, а скорее говорят о «живости» подходов и формулировок в связи с расширением круга решаемых методом задач, в том числе в контексте кросс-культурных исследований. Возможность и допустимость таких модификаций развивают перспективы применения подхода Ш. Шварца с точки зрения создания методики исследования, подходящей для различных культур.

Особой и набирающей актуальность проблемой исследования ценностной сферы личности, в том числе в аспекте кросс-культурных исследований, является ограниченность большинства исследований исключительно сферой эксплицитных, хорошо осознанных и вербализованных уровней презентации ценностей. Между тем ряд исследований (Арестова и др., 2018; 2021; Арина и др., 2018; Круглов, 2007) все более явственно указывают на несовпадение эксплицитной и имплицитной картины ценностной сферы личности. Причиной концентрации исследователей исключительно на эксплицитной презентации ценностей является почти непроницаемая для привычных прямых методов граница между их имплицитными и эксплицитными уровнями. Малодоступность если не недоступность для прямых методов исследования этого уровня хорошо осознается исследователями, упорно ищущими альтернативные методические варианты (Арестова и др., 2018; 2021; 2022; Арина и др., 2018).

Данная проблема еще более усугубляется при обращении к задаче кросс-культурного сопоставления организации ценностной сферы. Между тем именно этот аспект уровневой организации ценностной сферы субъекта представляет, на наш взгляд, наибольший интерес с точки зрения сопоставления регуляторных и когнитивных особенностей индивидуалистических и коллективистических типов культурной организации (Арестова и др., 2021; Блинникова и др., 2021; Rabeson, Blinnikova, 2020). Особенно существенным является вопрос о том, какие именно уровни ценностной организации более подвержены влиянию социальной и культурной динамики — эксплицитные или имплицитные. В работах Ш. Шварца (Шварц и др., 2008) указывается, что актуальная иерархия ценностей отражает идущие в обществе разноуровневые изменения (культурные, социальные, экономические), но вопрос о природе происходящих ценностных изменений с точки зрения их поверхностно-эксплицитного или глубинного характера не рассматривается. Можно предполагать большую динамичность эксплицитного уровня презентации ценностей по сравнению с имплицитным исходя из представления о различных детерминантах этих составляющих ценностной сферы личности (Арестова и др., 2018; 2021; 2022).

Настоящее исследование реализует один из возможных подходов к исследованию ценностей личности имплицитного уровня. Первые результаты, полученные с помощью данного подхода, описаны нами в предыдущих публикациях (Арестова и др., 2018; 2021).

Выбор конкретного объекта кросс-культурного сопоставления объясняется практически полной неизученностью идущих на постсоветском пространстве культурно-психологических процессов, прежде всего затрагивающих такие выраженные социально детерминированные образования личности, как ценности. В особенности это касается глубинного уровня организации ценностей, явно и выразительно несовпадающего с эксплицитными уровнями, существенно подверженными прямым социальным влияниям — как в плане своего формирования в онтогенезе и социогенезе, так и в плане выражения в вербальной и осознанной форме.

Целью исследования было кросс-культурное сопоставление строения ценностной сферы личности с точки зрения имплицитного и эксплицитного ее уровня на примере русской и узбекской культуры.

Гипотезы исследования

1. Вне зависимости от культурной принадлежности строение ценностной сферы личности на имплицитном и эксплицитном уровне не совпадает.

2. На эксплицитном уровне презентации ценностей между представителями узбекской и русской культуры существуют значимые различия, обусловленные спецификой развития двух культур в последние десятилетия постсоветской истории. Эксплицитный уровень презентации ценностей представляется более динамичным с точки зрения отражения социальных влияний и актуальных обстоятельств культурного развития.

3. При сопоставлении имплицитного уровня презентации ценностей между представителями русской и узбекской культуры существует значительное сходство, предположительно объясняющееся длительным историческим единством рассматриваемых культур и активными интегративными процессами настоящего времени.

Методы

Испытуемым предлагались следующие методики: 1) ранжирование ценностей на основе ценностного опросника Ш. Шварца (PVQ — personal value questionnaire) (Schwartz, 1994; 2006; Арестова и др., 2018; Карандашев, 2004; Митина, Сорокина, 2015); 2) цветовой тест отношений М.А. Эткинды (Бодалев, Столин, 2000; Эткин, 1980); 3) процедура ранжирования цветов стандартного набора М. Люшера (интерпретационные схемы методики Люшера при этом не применялись).

На основе уточненной методики PVQ III. Шварца (Schwartz et al., 2012) был составлен список из 19 ценностей, которые испытуемый ранжировал по степени субъективной значимости. С учетом кросс-культурной направленности методики в нашем исследовании мы применили ранее опробованное нами уточнение смысла ценностей: «возможность принимать самостоятельные решения и действовать (самостоятельность поступков); возможность самостоятельно мыслить (самостоятельность мыслей); жизненные удовольствия, или удовольствие от жизни (гедонизм); получение разнообразного жизненного опыта (стимуляция); постановка высоких целей и получение признания за заслуги и достижения (достижение); возможность влиять на других людей, быть лидером (власть над людьми); богатство (власть над материальными ресурсами); возможность сохранить честь и достоинство в глазах других людей (репутация); личная безопасность; общественная безопасность; следование правилам и законам (социальный конформизм); соблюдение традиций; возможность не вызывать негативные эмоции у других людей (межличностный конформизм); скромность; забота о близких; ответственность перед близкими (чувство долга); справедливость и равенство возможностей в обществе (универсализм: забота о других); понимание и терпимость к другим людям, отличающимся по взглядам и представлениям (толерантность); сохранение природы и окружающей среды (универсализм: забота о природе)» (Арестова и др., 2018, с. 3). Результатом этого этапа был ранжированный индивидуальный список ценностей эксплицитного уровня.

Затем предлагалось подобрать к каждой ценности наиболее подходящий к ней по ассоциации цвет из стандартного набора теста Люшера (Lüscher, 1997). В завершение проводилась процедура ранжирования 8 цветов стандартного набора по степени их предпочтения. При соотнесении индивидуальных ранговых показателей цветов и закодированных цветом ценностей был получен упорядоченный по значимости список имплицитных ценностей. Каждой ценности присваивался тот ранговый номер, который соответствовал ранговому номеру цвета, с которым эта ценность была ассоциирована. Данный методический прием, открывающий доступ к имплицитным слоям организации опыта, обоснован в работах А. Эткинда под названием ЦТО (цветовой тест отношений) (Бодалев, Столин, 2000).

Выборка

В исследовании приняли участие 190 человек в возрасте от 19 до 35 лет — 86 представителей узбекской культуры, в основном студенты и аспиранты ташкентских вузов (34 юноши и 52 девушки в возрасте 18–28 лет) и 104 представителя русской культуры, жители Москвы (39 мужчин и 65 женщин с высшим образованием или обучающиеся в вузах) Исследование на узбекской выборке было проведено нами совместно с Б. Чукариным.

Молодой возраст участников выборки в обеих группах объясняется предположением о наибольшей динамичности ценностных образований в этой возрастной группе, большей подверженностью молодежи культурным влияниям и изменениям современного мира.

Результаты

Полученные результаты представлены в табл. 1 для эксплицитного уровня ценностей и табл. 2 для имплицитного уровня. Для каждой ценности проверялась значимость различий в их принятии среди респондентов двух выборок (Узбекистана и России). Для обеспечения достоверности результатов использовались параметрический критерий Стьюдента для несвязанных выборок и непараметрический критерий Манна-Уитни. Во всех случаях результаты, полученные обоими методами, совпали. В таблицах жирным шрифтом указаны те ценности и соответствующие им показатели, различия по которым оказались статистически значимыми с p -значением $< 0,05$.

Таблица 1

Усредненные ранги эксплицитных ценностей и их стандартные отклонения

Ценности	Эксплицитные ранги ценностей			
	Узбекистан		Россия	
	Среднее	Стд. откл.	Среднее	Стд. откл.
Самостоятельность действий	6,43	3,49	4,09	3,31
Самостоятельность мыслей	6,71	4,87	4,47	4,31
Разнообразный жизненный опыт	8,98	4,94	8,25	4,53
Жизненные удовольствия	7,68	4,82	9,53	5,09

Ценности	Эксплицитные ранги ценностей			
	Узбекистан		Россия	
	Среднее	Стд. откл.	Среднее	Стд. откл.
Постановка высоких целей (Достижение)	7,41	4,16	9,48	5,04
Богатство (Власть: ресурсы)	11,89	5,05	12,24	4,48
Влияние на людей, лидерство, власть	14,25	4,63	13,29	4,62
Репутация	7,62	4,68	10,45	4,25
Личная безопасность	9,45	4,55	7,12	4,92
Общественная безопасность	9,57	4,64	11,16	4,67
Соблюдение традиций	14,39	4,43	14,92	4,85
Следование правилам и законам	13,64	4,34	13,80	4,26
Благополучие в межличностных отношениях	14,35	4,68	12,62	4,37
Скромность	13,07	4,43	14,16	4,44
Забота о близких	5,83	3,86	5,58	3,54
Ответственность перед близкими	5,44	3,38	7,58	4,68
Справедливость и равенство	9,44	4,26	9,53	4,91
Сохранение природы	12,85	4,68	12,06	4,42
Толерантность к другим людям	11,01	4,80	9,68	4,54

Примечание: полужирным шрифтом выделены ценности, по которым получены значимые различия между группами с p -значением $< 0,05$. Меньшим значениям соответствует более высокий ранг ценности в иерархии по методике Ш. Шварца.

Table 1

Average ranks of explicit values and their standard deviations

Values	Explicit ranks of values			
	Uzbekistan		Russia	
	Mean	SD	Mean	SD
Actions independence	6.43	3.49	4.09	3.31
Thoughts independence	6.71	4.87	4.47	4.31

Values	Explicit ranks of values			
	Uzbekistan		Russia	
	Mean	SD	Mean	SD
Diverse life experience	8.98	4.94	8.25	4.53
Life pleasures	7.68	4.82	9.53	5.09
High goals setting (Achievement)	7.41	4.16	9.48	5.04
Wealth (Power: resources)	11.89	5.05	12.24	4.48
Influence on people, leadership, power	14.25	4.63	13.29	4.62
Reputation	7.62	4.8	10.45	4.25
Personal safety	9.45	4.55	7.12	4.92
Public safety	9.57	4.64	11.16	4.67
Adherence to traditions	14.39	4.43	14.92	4.85
Following rules & laws	13.64	4.34	13.80	4.26
Interpersonal relationships well-being	14.35	4.68	12.62	4.37
Modesty	13.07	4.43	14.16	4.44
Caring for loved ones	5.83	3.86	5.58	3.54
Responsibility to loved ones	5.44	3.38	7.58	4.68
Fairness & equity	9.44	4.26	9.53	4.91
Nature preservation	12.85	4.68	12.06	4.42
Tolerance for other people	11.01	4.80	9.68	4.54

Note: bold type indicates values with significant differences between groups ($p < 0,05$). Smaller values correspond to a higher rank of value in the hierarchy according to the Sh. Schwartz method.

Таблица 2

Усредненные ранги имплицитных ценностей и их стандартные отклонения

Ценности	Имплицитные ранги ценностей			
	Узбекистан		Россия	
	Среднее	Стд. откл.	Среднее	Стд. откл.
Самостоятельность действий	8,23	5,24	8,89	5,44
Самостоятельность мыслей	8,44	5,02	9,10	5,44
Разнообразный жизненный опыт	10,20	5,07	8,47	5,71
Жизненные удовольствия	8,71	5,19	9,09	5,21
Постановка высоких целей (Достижение)	9,48	5,39	9,42	5,83
Богатство (Власть: ресурсы)	9,41	5,15	9,81	5,48
Влияние на людей, лидерство, власть	11,23	5,51	9,95	5,89
Репутация	8,97	5,19	9,90	5,16
Личная безопасность	9,12	4,96	10,24	5,51
Общественная безопасность	12,81	5,06	11,10	5,45
Соблюдение традиций	11,88	5,39	10,72	5,72
Следование правилам и законам	12,03	5,69	11,38	5,37
Благополучие в межличностных отношениях	10,94	5,21	10,81	5,05
Скромность	10,69	5,43	11,51	5,38
Забота о близких	9,01	4,88	9,10	5,35
Ответственность перед близкими	7,54	4,86	9,56	5,63
Справедливость и равенство	9,87	5,68	10,01	5,48
Сохранение природы	10,74	4,65	9,81	4,99
Толерантность к другим людям	10,72	5,32	11,13	5,03

Примечание: полужирным шрифтом выделены ценности, по которым получены значимые различия между группами с р-значением < 0,05. Меньшим значениям соответствует более высокий ранг ценности в иерархии по методике Ш. Шварца.

Table 2

Average ranks of implicit values and their standard deviations

Values	Implicit ranks of values			
	Uzbekistan		Russia	
	Mean	SD	Mean	SD
Actions independence	8.23	5.24	8.89	5.44
Thoughts independence	8.44	5.02	9.10	5.44
Diverse life experience	10.20	5.07	8.47	5.71
Life pleasures	8.71	5.19	9.09	5.21
High goals setting (Achievement)	9.48	5.39	9.42	5.83
Wealth (Power: resources)	9.41	5.15	9.81	5.48
Influence on people, leadership, power	11.23	5.51	9.95	5.89
Reputation	8.97	5.19	9.90	5.16
Personal safety	9.12	4.96	10.24	5.51
Public safety	12.81	5.06	11.10	5.45
Adherence to traditions	11.88	5.39	10.72	5.72
Following rules & laws	12.03	5.69	11.38	5.37
Interpersonal relationships well-being	10.94	5.21	10.81	5.05
Modesty	10.69	5.43	11.51	5.38
Caring for loved ones	9.01	4.88	9.10	5.35
Responsibility to loved ones	7.54	4.86	9.56	5.63
Fairness & equity	9.87	5.68	10.01	5.48
Nature preservation	10.74	4.65	9.81	4.99
Tolerance for other people	10.72	5.32	11.13	5.03

Note: bold type indicates values with significant differences between groups ($p < 0,05$). Smaller values correspond to a higher rank of value in the hierarchy according to the Sh. Schwartz method.

Полученные данные позволяют выделить ведущие и малозначимые ценности на эксплицитном и имплицитном уровне для каждой из культур. Для удобства анализа данные представлены в виде табл. 3.

Полученные данные подтверждают гипотезу о содержательном несовпадении между уровнями эксплицитной и имплицитной презентации ценностей. Эта характеристика, по-видимому, отражает общие принципы уровневого строения ценностной сферы личности и проявляется в различных культурах. Очень интересным является вопрос о том, имеет ли культурную специфику степень расхождения между эксплицитным и имплицитным уровнем презентации ценностей: можно предположить, что такая связь наблюдается и может отражать степень ценностного единства представителей той или иной культуры. Однако этот вопрос требует специального исследования и теоретического осмысления.

Таблица 3

Ведущие и малозначимые ценности для узбекской и русской культур
(эксплицитный и имплицитный уровни анализа)

Ценности	Узбекская культура	Русская культура
Ведущие эксплицитно	Ответственность перед близкими Забота о близких Самостоятельность действий Самостоятельность мыслей	Самостоятельность действий Самостоятельность мыслей Забота о близких Ответственность перед близкими
Малозначимые эксплицитно	Соблюдение традиций Благополучие в межличностных отношениях Влияние на людей, лидерство, власть Следование правилам и законам	Соблюдение традиций Скромность Следование правилам и законам Влияние на людей, лидерство, власть
Ведущие имплицитно	Самостоятельность действий Самостоятельность мыслей Жизненные удовольствия Репутация Забота о близких	Разнообразие жизненного опыта Самостоятельность действий Жизненные удовольствия Самостоятельность мыслей Забота о близких
Малозначимые имплицитно	Общественная безопасность Следование правилам и законам Соблюдение традиций Влияние на людей, лидерство, власть	Скромность Следование правилам и законам Толерантность к другим людям Общественная безопасность

Примечание: полужирным шрифтом выделены различия между двумя группами испытуемых. В каждом случае представлены ценности, имеющие крайние ранги. Ведущие ценности упорядочены по возрастанию ранга, т.е. убыванию значимости, а малозначимые по убыванию ранга, т.е. возрастанию значимости.

Table 3

Leading and insignificant values for Uzbek and Russian cultures (explicit and implicit levels of analysis)

Values	Uzbek culture	Russian culture
Leading explicit	Responsibility to loved ones Caring for loved ones Actions independence Thoughts independence	Actions independence Thoughts independence Caring for loved ones Responsibility to loved ones
Insignificant explicit	Adherence to traditions Interpersonal relationships well-being Influence on people, leadership, power Following rules & laws	Adherence to traditions Modesty Following rules & laws Influence on people, leadership, power
Leading implicit	Actions independence Thoughts independence Life pleasures Reputation Caring for loved ones	Rich life experience Actions independence Life pleasures Thoughts independence Caring for loved ones
Insignificant implicit	Public safety Following rules & laws Adherence to traditions Influence on people, leadership, power	Modesty Following rules & laws Tolerance for other people Public safety

Note: bold type indicates the significant differences between two compared groups. Each case represents the values with the highest rank. Leading values are ordered by increasing rank, i.e. decreasing significance, and insignificant values by decreasing rank, i.e. increasing significance.

Ранее нами были предприняты попытки выявить личностные детерминанты степени соответствия эксплицитного и имплицитного уровня строения ценностной сферы личности, в частности, описывалась степень межуровневого единства у лиц с различным уровнем эмоционального благополучия (Арестова и др., 2021). Полученные результаты показывают значимость не только личностных факторов, но и более широких социальных детерминант этого соотношения, к числу которых предположительно относится и культурная принадлежность субъекта.

Как видим, наша гипотеза о большем ценностном сходстве культур на имплицитном уровне при различиях на эксплицитном оказалась обоснованной лишь частично. При анализе ведущих и

малозначимых ценностей (см. табл. 3) наблюдается значительное ценностное сходство узбекской и русской культур на эксплицитном уровне. Это говорит о том, что общность социокультурных детерминант развития культурных ценностей на длительном историческом этапе совместной государственности и значительное межкультурное взаимодействие в настоящее время сформировали прочную ценностную общность культур на эксплицитном уровне, во всяком случае, в виде сходства содержания ведущих и малозначимых ценностей.

Сходство картины ведущих и малозначимых ценностей у двух культур не означает отсутствия статистически достоверных различий эксплицитных рангов по целому ряду ценностей. Так, более важными в русской выборке, по сравнению с узбекской, оказались следующие ценности: самостоятельность действий, самостоятельность мыслей, личная безопасность, благополучие в межличностных отношениях, толерантность к другим людям. Более значимы для узбекской выборки, по сравнению с русской, следующие ценности: жизненные удовольствия, репутация, общественная безопасность, ответственность перед близкими.

Более индивидуальный и культурно специфический характер детерминант, формирующих имплицитный уровень ценностной сферы, очевидно, приводит к межкультурным различиям, некоторые из которых представляют значительный научный и практический интерес. Так, для испытуемых из узбекской культуры жизненные удовольствия вышли на ведущий уровень только на имплицитном уровне, как и ценность репутации при достаточно скромных рангах этих ценностей на эксплицитном уровне. Обнаружилась низкая значимость для молодежи обеих культур такой ценности, как соблюдение традиций — как на эксплицитном, так и на имплицитном уровне, аналогично негативным оказалось отношение к следованию правилам и законам. Обнаружилась также имплицитно низкая ценность стремления к власти у молодежи узбекской культуры, что может рассматриваться как типичная тенденция, в целом выражающая имплицитную эмансипацию молодых испытуемых от стремления к управлению событиями, от власти как влияния на людей и социальные процессы. У русских испытуемых важность этой ценности несколько выше, хотя различия не достигают статистической значимости.

Вообще ценность самостоятельности (в действиях и мыслях) оказались на первых ранговых позициях у испытуемых обеих культур. Можно предположить, что этот результат объясняется молодым возрастом испытуемых и презентует возрастнo-специфическое

стремление к самостоятельности, выражающееся в «неследовании» прямым социальным детерминациям, декларативном или истинном отрицании традиций и правил, несколько протестном характере ценностных ориентаций. Интересным межкультурным различием в ценностных ориентациях является то, что у представителей русской молодежной выборки ведущей ценностью на обоих уровнях является забота о близких, а у узбекской молодежи — скорее ответственность перед ними, что особенно ярко проявляется на имплицитном уровне. Несмотря на нюансный характер различия между этими ценностями указывают на культурно специфический способ детско-родительских отношений молодежи двух культур: непосредственно-эмоциональный (забота о близких) и социально-детерминирующий (ответственность перед ними). Этот результат подтверждает интуитивный вывод о большей семейной иерархии, характерной для узбекской культуры даже в современных условиях.

На имплицитном уровне различия между культурами состоят в следующем: более значимы для русской выборки следующие ценности: разнообразный жизненный опыт, общественная безопасность. Более значимой для узбекской выборки является ответственность перед близкими.

Обнаружились ценности, в значимости которых межкультурные различия проявляются на обоих уровнях. Это общественная безопасность (у узбекских испытуемых выше на эксплицитном и ниже на имплицитном уровне, чем у русских) и ответственность перед близкими (выше у узбекских испытуемых на обоих уровнях). При этом общественная безопасность у испытуемых обеих культур является имплицитно малозначимой ценностью. Несмотря на то, что данная тенденция менее выражена у русской выборки, это обстоятельство заслуживает, на наш взгляд, пристального внимания как возможное проявление социального эгоцентризма, характерного для молодежной выборки обеих культур. Основанием для такого утверждения является то, что на эксплицитном уровне русские испытуемые оценивают важность личной безопасности существенно выше, чем общественной. У узбекской выборки эксплицитные оценки значимости личной и общественной безопасности практически равны, а вот имплицитно личная безопасность оценивается ими как гораздо более важная по сравнению с общественной.

Эгоцентрически наивное отношение молодых испытуемых к общественной безопасности, обнаруженное в данном исследовании, четко соотносится с ранее полученными нами при решении других

исследовательских задач выводами (Арестова, Взорин, 2021). Так, вакцинация осознается студентами как мера индивидуальной защиты, респонденты не воспринимают ее как способ заботы о здоровье окружающих. Эгоцентрические мотивы вакцинации преобладают у студентов над общественно значимыми, даже с учетом сильного влияния социальной желательности на выражение последних. В качестве иллюстрации приведем противоречие между мотивами «справиться с ситуацией обществу в целом» (27 % положительных ответов) и забота о здоровье других людей (13 %). В целом значимость «здоровья общества в целом» явно преобладает над «здоровьем других людей» по всем видам мероприятий. В этом усматривается явно выраженная наивно-эгоцентрическая позиция, когда личное «Я» включается в понятие «общества в целом», а дихотомия «Я — другие люди» рассматривается по другим критериям. В целом эти результаты соотносимы с исследованиями других авторов о сложности ценностных представлений о личной и общественной безопасности (Kuznetsova, Luzianina, 2020).

Как видим, при полном анализе рангового ряда ценностей двух культур произошло уточнение гипотезы о сходстве и различии на двух уровнях. Так, при общем значительном сходстве у разных культур эксплицитной картины предпочитаемых и малозначимых ценностей были обнаружены значительные различия конкретных рангов целого ряда ценностей.

При сопоставлении имплицитных рангов ценностей обнаруживаются как сходные характеристики, так и различия. Сходство базируется в основном на высокой значимости самостоятельности действий и ответственности перед близкими, т.е. ценностей, связанных скорее с автономией/связанностью в семейных и других близких отношениях. Такие ценности, как разнообразие жизненного опыта и жизненные удовольствия, содержательно связанные между собой, различно представлены в имплицитных предпочтениях представителей разных культур. Аналогично этому есть сходства и различия в имплицитно малозначимых ценностях: представители обеих культур считают малозначимой важность общественной безопасности и законопослушания, но русские также имплицитно невнимательны к скромности и толерантности по отношению к другим людям, тогда как узбекские испытуемые в большей степени занижают ценность традиций.

Выводы

1. У представителей обеих культур строение ценностной сферы личности на эксплицитном и имплицитном уровне не совпадает.

2. Межкультурные различия в строении ценностной сферы наблюдаются как на эксплицитном, так и на имплицитном уровне.

3. На эксплицитном уровне ведущие и малозначимые ценности у представителей двух культур в значительной степени совпадают. Обнаруженные различия затрагивают степень значимости ценностей, связанных с самостоятельностью, личной и общественной безопасностью и взаимоотношениями с окружающими.

4. На имплицитном уровне различия между культурами менее существенны. Более значимы для русской выборки: разнообразный жизненный опыт, общественная безопасность. Более значимой для узбекской выборки является ответственность перед близкими.

5. Были также обнаружены ценности, в значимости которых межкультурные различия проявляются на обоих уровнях. Это общественная безопасность (у узбекских испытуемых выше на эксплицитном и ниже на имплицитном уровне, чем у русских) и ответственность перед близкими (выше у узбекских испытуемых на обоих уровнях). При этом общественная безопасность у испытуемых обеих культур является имплицитно малозначимой ценностью.

Литература

Алексеева О.С., Ржанова И.Е. Ценности и их связь с базовыми чертами личности // Психологические исследования. 2019. Т. 12, № 63. С. 10. doi: 10.54359/ps.v12i63.233

Арестова О.Н., Взорин Г.Д. Динамика отношения студентов к мероприятиям по сохранению здоровья и профилактики заболеваний на разных этапах развития пандемии COVID-19 // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2021. № 3. С. 65–83.

Арестова О.Н., Гамзаева М.И., Блинникова И.В. Культурная специфика в запоминании и воспроизведении сюжетного материала (на примере азербайджанской и русской культуры) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 1. С. 181–220. doi: 10.11621/vsp.2022.01.08

Арестова О.Н., Митина О.В., Чукарин Б.А. Специфика презентации ценностей на различных уровнях осознанности // Вопросы психологии. 2018. № 2. С. 79–88.

Арестова О.Н., Митина О.В., Чукарин Б.А. Уровень эмоционального благополучия и строение иерархии личностных ценностей // Вопросы психологии. 2021. Т. 67, № 3. С. 85–94.

Арина Г.А., Иосифян М.А., Николаева В.В. Осознаваемые и неосознаваемые ценности и решение дилемм, связанных со здоровьем // Национальный психологический журнал. 2018. Т. 32, № 4. С. 77–85. doi: 10.11621/nprj.2018.0407

Блинникова И.В., Блинников Г.Б., Бобков А.Н., Алиева А.Э. Кросс-культурные различия в оценках эмоциогенных изображений: Сравнение российской и азербайджанской выборок // Вестник РГГУ. 2021. № 1. С. 15–25. doi: 10.28995/2073-6398-2021-1-28-50

Будинайте Г.Л., Корнилова Т.В. Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта // Вопросы психологии. 1993. Т. 14, № 5. С. 99–105.

Вихман А.А., Калугин А.Ю. Гендерная специфика взаимосвязи ценностей и темперамента в юношеском возрасте // Мир науки. Педагогика и психология: сетевой журнал. 2019. Т. 7, № 6. [Электронный ресурс] // URL: <https://mir-nauki.com/PDF/13PSMN619.pdf>

Горькая Ж.В. Психология ценностей: учеб. пособие. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2014.

Емельяненко Т.В. Методы межкультурного исследования ценностей // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1997. № 9. С. 32–54.

Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.

Кауненко И. Культурные ценности молодежи молдаван: маркеры эпохи перемен // Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare. 2020. Т. 12, № 1. С. 281–287.

Князькова М.О. Значимые ценности как индикатор внутриличностного конфликта в этнокультурной сфере // Научное мнение. 2021. № 6. С. 29–35. doi: 10.25807/22224378_2021_6_29

Коротаев А.В., Новиков К.Е., Шульгин С.Г. Ценности пожилых в стареющем мире // Социология власти. 2019. Т. 31, № 1. С. 114–142. doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-114-142

Кочеткова И.С., Каменная Е.О. Способы трансляции культурных ценностей в образовательной деятельности // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 3 (32). С. 113–117. doi: 10.26140/bgз3-2020-0903-0024

Круглов В.Г. Имплицитные и эксплицитные ценности в общей схеме анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2007. № 2–1. С. 130–150.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007.

Лесин А.М. Определение личностной значимости и содержания ценностей // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: сетевой научный журнал. 2020. Т. 8, № 4 (31). С. 445–455. doi: 10.23888/humj20204445-455

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М.: Смысл, 2003.

Лечиева М.И., Саидов А.А. Кросс-культурное исследование ценностей и культурно-ценностных ориентаций чеченцев и ингушей // Психология.

Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8, № 3А. С. 315–326.

Митина О.В., Сорокина В.В. Ценности старшеклассников: разработка компьютерного диагностического инструментария // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2015. № 1. С. 42–59.

Овчарова Р.В. Взаимосвязь базовых ценностей и типов эмоциональной направленности личности студентов университета // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7–2 (109). С. 138–142. doi: 10.23670/IRJ.2021.109.7.061

Овчинникова М.Б., Соценко Т.М. Ценности как ресурс совладающего поведения руководителей среднего звена // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Сер. С. Псіхалага-педагагічныя навукі (педагогіка, псіхалогія, методыка). 2019. № 1 (53). С. 85–91.

Судейманов Р.Ф., Цупа А.В. Кросс-культурные различия в культурно-ценностной ориентации ливанского и русского этносов // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 3. С. 70–76.

Филенко И.А., Атаманова И.В., Богомаз С.А. Сравнительный анализ результатов исследования ценностей студенческой молодежи на основе использования методик Г. Хофстеде, Р. Инглхарта, Ш. Шварца, СОРБЦ2. Психология образования: образовательный потенциал развития личности: Мат. VI Всероссийской науч.-практ. конф. психологов образования Сибири с международным участием / Под ред. И.В. Ярославцевой и др. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2020.

Хахутадзе Н.М. Особенности ценностных ориентаций студентов в различных этнических группах // Коллекция гуманитарных исследований: электронный научный журнал. 2019. № 2 (17). С. 25–30.

Хофстеде Г. Организационная культура. Управление человеческими ресурсами. СПб.: Питер, 2002.

Шамионов Р.М., Сулганиязова Н.Ж. Ценности и отношение к этнической культуре и традициям как предикторы субъективного благополучия русских и казахов // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15, № 1. С. 157–186. doi: 10.21702/rpj.2018.1.8

Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5, № 2. С. 37–67.

Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 2. С. 43–70.

Herskovits, M. (1955). *Cultural Anthropology*. New York: Alfred, A. Knopf. Inc. Ltd.

Lüscher, M. (1997). *Konfliktfreie Liebe ein Wegweiser zur Harmonie; mit Farbtest zur Beurteilung des erotischen Erlebens*. Bergisch Gladbach Bastei-Verl: Lübbe.

Kluckhohn, C., Strodtbeck, F.L. (1961). *Variations in Value Orientations*. Evanston, Illinois: Row, Peterson.

Kuznetsova, A.S., Luzianina, M.S. (2020). Proactive approach to rest and functional states' self-regulation in flexible work arrangements. *European Proceedings of Social*

and Behavioural Sciences (EpSBS), 91, 244–252. (Retrieved from https://www.europe-anproceedings.com/files/data/article/10038/11292/article_10038_11292_pdf_100.pdf) (review date: 11.03.2021). doi: 10.15405/epsbs.2020.10.04.13

Rabeson, M., Blinnikova, I. (2020). Cross-cultural research of strategies and efficiency in visual semantic search. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 94, 636–645.

Triandis, H.C. (1994). *Culture and Social Behavior*. New York: McGraw-Hill.

Triandis, H.C. (1995). *Individualism and Collectivism*. Boulder, CO: Westview Press.

References

Alekseeva, O.S., Rzhanova, I.E. (2019). Relationships between values and personality traits. *Psihologicheskie issledovaniya (Psychological Studies)*, 12 (63), 10. doi: 10.54359/ps.v12i63.233 (In Russ.).

Arestova O.N., Vzorin G.D. (2021). Dynamics of students' attitudes towards measures to preserve health and prevent diseases at different stages of the development of the COVID-19 pandemic. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 3, 65–83. (In Russ.).

Arestova, O.N., Gamzaeva, M.I., Blinnikova, I.V. (2022). Cultural specificity in memorizing and reproducing plot material (on the example of Azerbaijani and Russian cultures). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 1, 181–220. doi: 10.11621/vsp.2022.01.08 (In Russ.).

Arestova, O.N., Mitina, O.V., Chukarin, B.A. (2018). The specificity of values presentation at different levels of awareness. *Voprosy psihologii (Issues of psychology)*, 2, 79–88. (In Russ.).

Arestova, O.N., Mitina, O.V., Chukarin, B.A. (2021). The level of emotional well-being and the structure of the hierarchy of personal values. *Voprosy psihologii (Questions of psychology)*, 67 (3), 85–94. (In Russ.).

Arina, G.A., Iosifyan, M.A., Nikolaeva, V.V. (2018). Explicit and implicit values are associated with decision-making in dilemmas related to health. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal (National Psychological Journal)*, 32 (4), 77–85. doi: 10.11621/npj.2018.0407 (In Russ.).

Blinnikova, I.V., Blinnikov, G.B., Bobkov, A.N., Alieva, A.E. (2021) Cross-cultural differences in emotive image assessment: Comparison between Russian and Azerbaijani samples. *Vestnik RGGU (RGGU Bulletin)*, 1, 15–25. doi: 10.28995/2073-6398-2021-1-28-50 (In Russ.).

Budinaite, G.L., Kornilova, T.V. (1993). Personal values and personal preferences of the subject. *Voprosy psihologii (Questions of psychology)*, 14 (5), 99–105. (In Russ.).

Emelianenko, T.V. (1997). Methods of intercultural research of values. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 9, 32–54. (In Russ.).

Fileenko, I.A., Atamanova, I.V., Bogomaz, S.A. (2020). Comparative analysis of the study results regarding university youth's values using the techniques by G. Hofstede,

R. Inglehart, S. Schwartz and SEBVR. In I.V. Yaroslavtseva (Eds.), Psychology of education: educational potential of personality development. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference of Siberian Educational Psychologists with International Participation (pp. 99–104). Irkutsk: Irkutsk State University. (In Russ.).

Gor'kaya, Zh.V. (2014). Psychology of values: Textbook. Samara: Izd-vo Samar-skogo un-ta. (In Russ.).

Herskovits, M. (1955). Cultural Anthropology. New York: Alfred, A. Knopr. Inc. Ltd.

Hofstede, G. (2002). Organizational culture. Human resource management. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).

Karandashev, V.N. (2004). Schwartz's methodology for studying personal values: concept and methodological guide. St. Petersburg: Rech' (In Russ.).

Kaunenko, I. (2020). Cultural values of Moldovan youth: the era of change markers. *Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare (Cultural heritage: research, capitalization, promotion)*, 12 (1), 281–287. (In Russ.).

Khakhutadze, N.M. (2019). Peculiarities of value orientations of students in various ethnic groups. *Kollektsiya gumanitarnykh issledovani. Elektronnyi nauchnyi zhurnal (Collection of Humanitarian Studies. Electronic scientific journal)*, 17 (2), 25–30. (In Russ.).

Kluckhohn, C., Strodtbeck, F.L. (1961). Variations in Value Orientations. Evanston, Illinois: Row, Peterson.

Knyazkova, M.O. (2021). Significant values as an indicator of an intrapersonal conflict in the ethnocultural sphere. *Nauchnoe mnenie (The scientific opinion)*, 6, 29–35. doi: 10.25807/22224378_2021_6_29 (In Russ.).

Kochetkova, I.S., Kamennaya, E.O. (2020). Educational activity as a form of transmitting cultural values. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal (Baltic Humanitarian Journal)*, 9 (3), 113–117. doi: 10.26140/bgz3-2020-0903-0024 (In Russ.).

Korotaev, A.V., Novikov, K.E., Shulgin, S.G. (2019). Values of the elderly in an aging world. *Sotsiologiya vlasti (Sociology of power)*, 31 (1), 114–142. doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-114-142 (In Russ.).

Kruglov, V.G. (2007). Implicit and explicit values in the general analysis scheme. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya (Bulletin of St. Petersburg University. Political science. International relationships)*, 1 (2), 130–150. (In Russ.).

Kuznetsova, A.S., Luzianina, M.S. (2020). Proactive approach to rest and functional states' self-regulation in flexible work arrangements. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS)*, 91, 244–252. (Retrieved from https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10038/11292/article_10038_11292_pdf_100.pdf) (review date: 11.03.2021). doi: 10.15405/epsbs.2020.10.04.13

Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N. (2007). Cultural values and development of society. Moscow: Izdat. dom GU VSHE. (In Russ.).

Lechieva, M.I., Saidov, A.A. (2019). Cross-cultural study of values and cultural and value orientations of Chechens and Ingush. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskoe*

obzory i sovremennyye issledovaniya (Psychology. Historical and critical reviews and modern research), 8 (3 A), 315–326. (In Russ.).

Leontiev, D.A. (2003). *Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaning reality* (2nd ed.). M.: Smysl. (In Russ.).

Lesin, A.M. (2020). Determination of personal significance and content of values. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie: Setevoi nauchnyi zhurnal (Personality in a changing World: health, adaptation, development: Network scientific journal)*, 8 (4), 445–455. doi: 10.23888/humJ20204445-455 (In Russ.).

Lüscher, M. (1997). Konfliktfreie Liebe ein Wegweiser zur Harmonie; mit Farbttest zur Beurteilung des erotischen Erlebens. Bergisch Gladbach Bastei-Verl: Lübbe.

Mitina, O.V., Sorokina, V.V. (2015). Values of high school students: development of computer diagnostic tools. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 1, 42–59. (In Russ.).

Ovcharova, R.V. (2021). The relationship of basic values and types of emotional orientation of the personality of university students. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal (International Scientific Research Journal)*, 7–2, 138–142. doi: 10.23670/IRJ.2021.109.7.061 (In Russ.).

Ovchinnikova, M.B., Sotsenko, T.M. (2019). Values as a resource for coping behavior of middle managers. *Vesnik Magilyoŭskaga dzyarzhaj'naga ŷniversiteta imya A.A. Kulyashova. Ser. S. Psihologa-pedagogichnyya navuki (pedagogika, psihologiya, metodyka) (Kulyashov University of Magshev State University. Series S. Psycho-pedagogical news (pedagogy, psychology, methodology))*, 53 (1), 85–91. (In Russ.).

Rabeson, M., Blinnikova, I. (2020). Cross-cultural research of strategies and efficiency in visual semantic search. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 94, 636–645.

Schwartz, S. (2008). Cultural value orientations: the nature and consequences of national differences. *Psikhologiya: zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki (Psychology. Journal of Higher School of Economics)*, 5 (2), 37–67. (In Russ.).

Shamionov, R.M., Sultaniyazova, N.Zh. (2018). Values and attitudes to ethnic culture and traditions as predictors of subjective well-being among Russians and Kazakhs. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal (Russian psychological journal)*, 15 (1), 157–186. doi:10.21702/rpj.2018.1.8 (In Russ.).

Shvarts, S., Butenko, T.P., Sedova, D.S., Lipatova, A.S. (2012). Refined theory of basic individual values: application in Russia. *Psikhologiya: zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. (Psychology. Journal of Higher School of Economics)*, 9 (2), 43–70. (In Russ.).

Suleimanov, R.F., Tsupa, A.V. (2020). Cross-cultural differences in the cultural and value orientation of the Lebanese and Russian ethnic groups. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika (Society: sociology, psychology, pedagogy)*, 3, 70–76. (In Russ.).

Triandis, H.C. (1994). *Culture and Social Behavior*. New York: McGraw-Hill.

Triandis, H.C. (1995). *Individualism and Collectivism*. Boulder, CO: Westview Press.

Vikhman, A.A., Kalugin, A.Yu. (2019). Gender specific relationship of values and temperament in adolescence. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya: setevoi zhurnal*

(*World of science. Pedagogy and psychology: Network journal*), 7 (6). (Retrieved from <https://mir-nauki.com/PDF/13PSMN619.pdf>). (In Russ.).

Статья получена: 10.07.2022;
принята: 02.08.2022;
отредактирована: 20.08.2022.

Received: 10.07.2022;
accepted: 02.08.2022;
revised: 20.08.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Арестова Ольга Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, arestova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6720-322x>

Докучаева Анна Георгиевна — аспирантка 1 курса факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, annadokg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7162-0624>

Митина Ольга Валентиновна — кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии общения и психосемантики факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, omitina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2237-4404>

ABOUT AUTHORS

Olga N. Arestova — PhD in Psychology, Associate Professor, the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, arestova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6720-322x>

Anna G. Dokuchaeva — 1st year Postgraduate Student, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, annadokg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7162-0624>

Olga V. Mitina — PhD in Psychology, Associate Professor, Leading Scientific Fellow, Laboratory of Communication Psychology and Psychosemantics, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, omitina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2237-4404>